

СОДЕРЖАНИЕ

Квантовый возраст женщины (<i>рассказ</i>)	5
Децимация на Стиксе (<i>повесть</i>)	21
«Гуднайт, Америка, о!». Хроника одного взлета вниз (<i>повесть</i>)	47
Три секрета успешной женщины (<i>рассказ</i>)	125
Премьера (<i>повесть</i>).	139
Вероятности (<i>рассказ</i>)	184
Се ля ви москва стайл (<i>рассказ</i>)	202
Бонус-трек. Что делать женщине, если у нее два любовника, а выбрать нужно одного (<i>пьеса</i>).	221

Я долго думал и решил
эту книгу снова посвятить себе

КВАНТОВЫЙ ВОЗРАСТ ЖЕНЩИНЫ

РАССКАЗ

Семидесятидевятилетний Соломон Израилевич лежал на больничной койке, находясь, по мнению врачей, в зоне риска летального исхода, и с ужасом смотрел на дверь. Он понимал, кто ее откроет, но не хотел верить. Будучи математического склада ума, он попытался проанализировать свой мистический ужас и пришел к неутешительному выводу: жизнь свою Соломон Израилевич провалил. Точнее, ключевая задача его жизни оказалась, как бы это помягче сказать, далека от выполнения. А надо отметить, что ради этой цели он перепахал свою судьбу, как ураган иногда разбирает на ветки, корни и стволы вековой лес. Разбирает так, что никакой любитель лего потом восстановить не может. Долгие годы Соломон Израилевич боялся умереть в одиночестве, долгие годы он кропотливо строил свою Великую Китайскую стену, отделявшую его от этой ситуации, и вот настало время пожинать плоды трудов, а тут...

Хотя давайте я вас введу в курс дела, чтобы не запутать окончательно.

Впервые страх смерти (и сразу одинокой) Соломон Израилевич испытал в пять лет. Надо отметить, что в столь юном возрасте его не звали так официально. Родные ограничивались Шломо, остальные — опционально от милых детских обращений до вполне себе антисемитских, иногда довольно креативных. Так вот, однажды Шломо обнаружил дома чрезвычайно много людей, а людей он не очень любил непосредственно с зачатия, так как десятки друзей и родственников гладили живот мамы Шломо во время беременности, мешая ему спать, но это к слову.

Помимо толпы гостей маленький мизантроп отметил особую изысканность и новизну еды, не говоря уже о ее количестве.

Соломон Израилевич редко делился этим секретом, но почти все свои любимые блюда он попробовал впервые именно в тот вечер. Бывало, скажет в разгар какого-нибудь праздника:

«Э-э-эх, сейчас бы гуся с поминок дяди Семёна, да нет уже таких гусей... Вот ведь несправедливость, дядя Семён был законченным кретином, а на его поминки пришло столько людей, что всем казалось, Сталин воскрес, а затем снова умер, но только уже в нашей квартире. А все потому, что бабушка наконец собралась с силами и выстрелила из всех орудий».

Да, все верно. Смерть предметно познакомилась с Шломо на проводах брата его бабушки в мир иной. Дядю Семёна никто не любил, даже сам дядя Семён, жил он с постоянно меняющимися женами и то появляющимися, то исчезающими детьми. Нет, они, к счастью, не умирали, а просто куда-то девались, иногда к тихой радости самого отца, который, отметим справедливости ради, как мог помогал им, и как раз от этой помощи матери детей чаще всего и сбегали. Они справедливо опасались любого деятельного участия дяди Семёна в жизни продолжателей его рода. Инстинкт самосохранения срабатывал. Дядя Семён умудрялся портить все, за что брался. При этом он парадоксально высоко ценился на своем предприятии, но был нюанс.

Семён Штейн трудился на заводе. В относительной молодости он каким-то чудом ловко научился выполнению одной производственной слесарной задачи. Задачи настолько специальной, что найти второго такого умельца не так-то и легко, поэтому дядю Семёна держали в коллективе, несмотря на то что в остальном он считался законченным растяпой и увальнем. Даже когда началась война и пожилой, но бодрый дядя Семёна захотел уйти добровольцем, директор завода сообщил куда следует, что Советская армия в опасности и лучше товарища Штейна держать подальше от оружия, тем более он

приносит такую огромную пользу создающему это самое оружие предприятию.

Но мы отвлеклись. Итак, маленький Шломо спросил у мамы:

— А почему у нас столько гостей и почему так много всего вкусного?

— Дядя Семён ушел. Мы его провожаем.

— Так его же нет. Как же можно провожать того, кто уже ушел? И я не понял, куда он ушел? Неужели он отказался так вкусно поесть и ушел голодный? И когда он вернется?

— Шломо, малыш, я сейчас тебе кое-что расскажу.

Далее на детскую психику вывалили самосвал информации о бренности бытия и конечности жизни. Шломо слушал не моргая и по окончании лекции взял паузу на осмысление. Мария Яковлевна даже испугалась, что ребенок не справится с шок-ком, и стала подумывать отыграть информацию назад, дескать пошутила, но будущий Соломон Израилевич спокойно уточнил:

— А что, с неба совсем-совсем нельзя вернуться?

— Нет, Шломо, нельзя.

— А как же дядя Иисус?

От этого вопроса в голове Марии Яковлевны перегорел транзистор. И дело даже не в том, что она не знала, как ответить. Стало решительно непонятно, что делать с запустившей корни крамо-

лой в неокрепшую голову еврейского мальчика. Кто предатель, на самом деле особо искать не пришлось бы. Шломо имел кое-что общее с Пушкиным, а именно — русскую деревенскую няню, которой, впрочем, строго-настрого запретили устраивать ребенку уроки религиозной пропаганды. Вероятно, запрет был нарушен и предстояло провести следствие с последствиями. Однако время на ответ заканчивалось, и мама Шломо, потрепав его за ухо, ласково сказала:

— Малыш, Иисус такой один.

— Поэтому евреи его повесили на крест? И поэтому нас все не любят?

Как вы догадываетесь, в голове Марии Яковлевны взорвался весь жесткий диск.

— Это тебе няня сказала?!

— Нет, это мне сказали в детском саду, когда я им рассказал про дядю Иисуса.

— О господи, нет,— прошептала про себя комсомолка и просто гражданка СССР.

А вот это уже пахло катастрофой. В советских детсадах было принято верить в Ленина, и конкурирующие концепции не вызывали радости руководства дошкольных учреждений. Странно, что родителей до сих пор не позвали на разговор. Мария Яковлевна одновременно судорожно сообщала, чего ждать от детской контрреволюции, как бороться с антисемитизмом — и примиряла

Шломо с фактом смерти, с которой он, получается, все-таки познакомился через библейскую историю.

— Шломо, не все так просто с Иисусом, на крест его повесили римляне, и я потом расскажу тебе, кто это... Но это не имеет отношения к уходу дяди Семёна. Так вот, дядя Семён не сможет вернуться с неба, и поэтому мы его провожаем.

— Мама, а почему вы не провожали дядю Семёна, когда он еще не ушел на небо? Он был бы рад всем гостям и всей этой вкусной еде. Это как праздновать мой день рождения, но не позвать меня.

Невинный вопрос заронил в душе Марии Яковлевны зерна сомнений в логичности и справедливости института поминок, и она, будучи и так в панике от целого ряда всплывших проблем религиозно-этнического свойства, ответила сумбурно, хотя и честно:

— Дядя Семён не предупредил, что он собрался уходить. Он жил один в последнее время, и... в общем, к нему не так часто приходили гости... Мы не знали, что он ушел, если честно.

Шломо опять замолчал, давая Марии Яковлевне время на размышления, а потом тихо спросил:

— То есть он умер в одиночестве?

Мария Яковлевна много чего не ожидала от этой экзистенциальной беседы, но вот чего она точно не могла предположить, так это услышать такую фразу от пятилетнего сына. Тем более, она как могла

обходила слова *смерть* и *умирать* и думала, что Шломо их не запомнит.

От удивления она немедленно кивнула. Шломо мгновенно разрыдался. Он плакал часа два и твердо решил сделать все возможное, чтобы не повторить трагическую судьбу дяди Семёна, который и правда пролежал в своей нетелефонизированной квартире пару дней после кончины, так как жена уехала к дочери в другой город, а остальные дети навещали отца редко.

Всем родственникам, особенно бабушке Шломо, сестре дяди Семёна, было стыдно, и это тоже вызвало размах поминок, которые решили, правда, не проводить в наводящей на всех тоску квартире усопшего.

Соломон Израилевич и эту информацию проанализировал. Он понял, что мало детей родить, надо сделать так, чтобы они тебя помнили, любили и заботились о тебе в случае необходимости. К реализации плана по будущему многолюдному уходу к дяде Иисусу Соломон Израилевич приступил еще в школе, классе в шестом, предложив своей соседке по парте выйти за него замуж.

— Ира, давай, как закончим школу, поженимся? — сказал Шломо, списывая химию на контрольной.

— Мне мама не разрешит.

— А ты ей скажешь, что ты родишь ей внуков и она не умрет в одиночестве.

— Хорошо, я спрошу сегодня.

— Так ей и скажи.

На следующий день Ира от Шломо отсела.

Шломо это не остановило, тем более, как нетрудно догадаться, в данном случае Ира была легко заменима. Понятно, что в шестом классе решить проблему не удалось, но уже в двадцать лет Шломо стал отцом и потом повторял это упражнение еще два раза. В детей (двух мальчиков и старшую девочку) он вкладывал всю свою неумную энергию и предприимчивость.

Лучшие детские сады, лучшие школы, лучшие университеты. Не говоря уже о кружках и спортивных секциях. Масштабные вливания в праздники, проходившие дома у Соломона Израилевича и приносившие с собой беспорядки и разрушения вплоть до локальных пожаров, вызванных здоровым интересом мальчишек к пиротехнике. Бесконечные путешествия, экскурсии, пикники и прочие кратко- и долгосрочные вылазки. А самое важное — море личного времени, потраченного на разговоры с каждым, разговоры, в которые закладывались и воспитание, и восхищение, и строгость, и любовь. И еще он никогда их не трогал пальцем и никому не позволял. Соломон Израилевич искренне считал, что детей бить нельзя, потому что от этого они вырастут злыми людьми, что в целом плохо и в частности оставит его без их заботы на финишной прямой.

Шли годы, дети, познавшие заботу Соломона Израилевича, выросли и произвели на свет собственных детей. Теперь уже дедушка Соломон повторил тот же путь любви и воспитания внуков. Все внуки и даже правнуки знали, что за защитой от любого родительского насилия надо идти к дедушке Соломону.

Однако Соломон Израилевич не был бы ни Соломоном, ни Израилевичем, если бы не подстраховался. На всякий случай он инвестировал время и деньги в своих племянников разной степени родства и просто в попавших под руку внятных ребятшек. Не буду вас грузить деталями, но к моменту попадания героя повествования в больницу он насчитал минимум восемнадцать человек, которые так или иначе имели безусловные моральные обязательства сидеть с ним в палате, организовывать лечение и, если что, держать за руку на пороге Вальхаллы или куда там занесет нелегкая.

Дедушка Соломон даже выписал все имена на бумажке, чтобы отмечать. Надо сказать, что в больницу он въехал по весьма неприятному, но не обязательно смертельному поводу. Сначала ему было прямо-таки очень плохо и бесконечно положить на наличие или отсутствие людей рядом, он никого толком не узнавал. В сознание-то приходил редко, но потом кризис миновал, тетка с косой отступила, но села неподалеку, в больничном коридоре.

Соломон Израилевич переехал из реанимации в обычную палату и наконец осознанно огляделся по сторонам. Никого. Тетка с косой сквозь стену с сочувствием посмотрела на своего несостоявшегося клиента, развела руками, как бы говоря: «Люди — сволочи, кто бы сомневался, но я зато всегда рядом, ты только скажи».

Можете представить весь спектр переживаний Соломона Израилевича. Никто не пришел. Ни один из восемнадцати. Шестьдесят лет насмарку, если считать от рождения сына. Торж, гнев, принятие и прочее отрицание устроили калейдоскоп в душе масштабно обманутого вкладчика. Липкий холод одиночества чередовался с горячей жаждой мести. Но Соломон Израилевич был по-настоящему добрым человеком и гнал агрессивные мысли от себя подальше. Искал причины в себе, думал, что, возможно, он слишком акцентированно связал в своей голове само существование детей и их функцию заботы о нем, и за это Бог его наказал. Хотя, будем честны, Соломон Израилевич любил детей, внуков и прочих племянников все-таки бескорыстно. Ну не думал он постоянно о потенциальном душевном комфорте последних дней. Наговаривал он на себя. Тем не менее, окончательно рухнув в тоску, Соломон Израилевич приготовился умереть в одиночестве и поэтому смотрел на дверь в ожидании соответствующей дамы. Ручка повернулась, дыхание замерло, и дама вошла. Но другая.